

- magazinov Izhevskaja”], available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-transonimizatsii-v-ergonimii-na-materiale-nazvaniy-magazinov-izhevskaja>
3. Kurbanova, M. G. (2013), “Transonymisation in ergonymy of modern Russian language” [“Tranonymizacija v jergonimii sovremennogo russkogo jazyka”], available at: http://seanewdim.com/uploads/3/2/1/3/3213611/kurbanova_m.g._transonymization_in_the_ergonems_of_the_modern_russian_language.pdf
 4. Podol'skaja, N. V. (1990), “Problems of the onomastic derivation (to the issue)”, *Problems of linguistics* [“Problemy onomasticheskogo slovoobrazovanija (k postanovke voprosa)” *Voprosy jazykoznanija*], No 3, pp. 40–54.
 5. Podol'skaja, N. V. (1988), *Onomastic terminology dictionary* [*Slovar' onomasticheskij terminologii, 2-e izd., pererab. i dop.*], Nauka, Moscow, 192 p.
 6. Superanskaja, A. V., Podol'skaja, N. V., Vasil'eva, N. V., (1989), *Common terminology: questions of the theory* [*Obshhaja terminologija: Voprosy teorii*], Nauka, Moscow, 246 p.
 7. Shmel'jova, T. V. (2014), *Onomasticon Russian city* [*Onomastikon rossijskogo goroda*], Lar Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, 137 p.

Надійшла до редколегії 14.02.2017

УДК 811.161.1'38'36

Е. Л. Некрылова

Харьковский национальный экономический университет имени С. Кузнеця

О СТИХИЙНОЙ КОМПЕНСАЦИИ УТРАТЫ ПЕРЕХОДНОСТИ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ИХ ПРЕФИКСАЦИЕЙ: КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Представлены результаты когнитивно-эволюционного исследования возможностей стихийной компенсации носителями русского языка значительной утраты глагольной переходности префиксальной деривацией переходных глаголов. Проанализированы транзитивные концепции А. М. Гильбурда, М. Н. Эпштейна, дана характеристика когнитивно-эволюционного подхода к языковым фактам, реализуемого в работах С. Л. Попова. Проведено сравнение лексических значений утраченных переходных значений, форм и их префиксальных коррелятов. Предложена когнитивно-эволюционная интерпретация результатов, полученных в ходе исследования.

Ключевые слова: глагол, переходность, префиксация, восприятие, эволюция.

Некрылова О. Л. Харківський національний економічний університет імені Семена Кузнеця. **ЩОДО СТИХІЙНОЇ КОМПЕНСАЦІЇ ВТРАТИ ПЕРЕХІДНОСТІ РОСІЙСЬКИХ ДІЄСЛІВ ЇХ ПРЕФІКСАЦІЄЮ: КОГНІТИВНО-ЕВОЛЮЦІЙНИЙ АСПЕКТ**

Презентовано результати когнітивно-еволюційного дослідження можливостей стихійної компенсації носіями російської мови значної втрати дієслівної перехідності префіксальною деривацією перехідних дієслів. Подано транзитивні концепції А. М. Гильбурда, М. Н. Епштейна та характеристику когнітивно-еволюційного підходу до мовних фактів, який реалізується у працях С. Л. Попова. Здійснено порівняння лексичних значень втрачених перехідних значень, форм та їх префіксальних корелятивів. Запропонована когнітивно-еволюційна інтерпретація результатів, отриманих у ході дослідження.

Ключові слова: дієслово, перехідність, префіксація, сприйняття, еволюція.

Nekrylova E. L. Kharkiv National Economic University named after S. Kuznets. **TO THE SPONTANEOUS COMPENSATION OF LOSS OF TRANSITIVENESS OF RUSSIAN VERBS BY THEIR PREFIXING: COGNITIVE-EVOLUTIONARY ASPECT**

The article presents the results of cognitive-evolutionary studies of possibilities of spontaneous compensation by the Russian speakers who has a significant loss of verbal transitivity prefixes deri-

vation of transitive verbs. Historical facts of the loss of transition Russian verbs are demonstrated. The concept of transitive by A.M Gilburd, M.N Epstein is introduced. The characteristic of cognitive-evolutionary approach to linguistic facts, realized in the works by L. Popov is described.

Cognitive-evolutionary approach involves attention to the perception of quality and to the logic. Quality perception involves three levels: syncretism, superficiality and alternativeness.

Perceptual quality due to the logic of a system of thought determines the appropriate logic quality of the grammatical structure of the language. Loss of transitivity is the result of syncretic non-perception by Russian speakers' communicative and epistemological advantages of co-existential alternative of transitive and intransitive verbs. Comparison of lexical meanings and values of the lost transitional forms and lexical meanings of their prefixed correlates allows fixing their significant semantic differences. According to this, the prefixing cannot be considered as a compensation for loss of transitivity in the Russian language.

The propose of the revival of the loss of transitivity, given by M.N Epstein, is the only possibility not to lose it and this trend in Russian grammar is exist.

Key words: verb, transitivity, prefixing, perception, evolution.

Десять лет назад М. Н. Эпштейн в статье, посвященной переходности русских глаголов, обратил внимание на то, что в современном русском языке две трети глаголов являются непереходными, то есть не могут беспредложно управлять формой винительного падежа (аккузатива), из чего следует, что только треть русских глаголов являются переходными. В данной статье автор подчеркнул, что это не изначальное состояние русской глагольной системы, поскольку столетия назад в русском языке было значительно больше переходных глаголов, чем сегодня. Это в свою очередь доказывает, что русские глаголы переходность утрачивали (под такой утратой обобщенно понимаются два случая: утрата переходности с сохранением глагола и утрата самого глагола за счет добавления к нему постфикса *-ся*): «На протяжении многих веков своей истории русский язык впадал в непереходность. Ряд глаголов, употреблявшихся как переходные, впоследствии перешли в разряд непереходных. Раньше говорили: *воевать врага, править народ, работать сапоги* (сейчас такое словоупотребление сохранилось у художников: «работать вещь, картину, скульптуру»). Многие непереходные глаголы образовались посредством возвратного постфикса *-ся* от переходных, которые постепенно вышли из употребления. Раньше в языке были глаголы **бороть, каять, сомневать, отчаивать, трудить** (у А. С. Грибоедова в речи Чацкого: «Чтоб не трудить себе ума...»); но их вытеснили соответствующие непереходные глаголы с постфиксом *-ся*. И вот уже люди трудятся, но никого и ничего не **трудят**. Общаются, но никого не **общают**. Улыбаются, но не **улыбают**. Каются, но не могут никого **каять**. Гордятся и сомневаются, борются и ленятся, стремятся и отчаиваются – но никого не **гордят** и не **сомневают**, не **борют** и не **ленят**, не **стремят** и не **отчаивают**» [1].

М. Н. Эпштейну не приходится доказывать факт постепенной утраты русскими глаголами переходности, поскольку до него об этом сообщали и другие лингвисты. Например, Ф. И. Буслаев писал, что «в старину можно было сказать: *очутить, жаловать* (в смысле «жаловаться»), *намеревать, повиновать* и проч.» [1, с. 347]. В. В. Иванов отмечал постепенное увеличение количества безличных глаголов с постфиксом *-ся* [3, с. 372].

Еще одним из таких ученых, а именно автором концепции эволюции глагола от «аморфности» доисторических времен до частеречной полноценности исторического периода развития этносов, и в частности скрупулезным исследователем переходности-непереходности глаголов в корреляции с их возвратностью и залоговостью, был А. М. Гильбурд. «Падение удельного веса переходных глаголов в языке, – пишет автор в 1969 году, – происходит не только из-за количественного роста группы непереходных глаголов, но также и потому, что целый ряд переходных глаголов после появления у них соотносительных пар постепенно выходит из употребления. Применительно к процессу неграмматического включения объекта

в глагол высказанная мысль хорошо иллюстрируется на примере глагола “воевать”, который, как известно, в древнерусском языке употреблялся с прямым дополнением (воевати землю Половецкую). Появление в языке его непереходного коррелята (воевать за Родину, воевать с врагами) привело к тому, что переходный коррелят “воевать” постепенно выходит из употребления. Еще нагляднее исчезновение переходных коррелятов иллюстрируется существованием в современном русском языке многочисленной группы глаголов с -СЯ, лишенных соотносительных невозвратных пар: смеяться, надеяться, бороться, улыбаться, бояться и мн. др. Существование в прошлом переходных глаголов смеять, надеять, бороться, улыбаться, бояться не вызывает сомнений». Автор исследовал глаголы из «Словаря русского языка» С. И. Ожегова и пришел к выводу, что «и на современном этапе явление корреляции по признаку переходности-непереходности, ведущее к утрате многими глаголами свойства переходности или к исчезновению из языка части переходных глагольных форм, развито довольно широко» [2, с. 12–13].

Данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) в целом подтверждают транзитивные сведения А. М. Гильбурда, М. Н. Эпштейна и других лингвистов, фиксирующих утрату русскими глаголами переходности, и позволяют отследить своеобразную кривую падения частотности переходности для каждого из показанных авторами глаголов. Так, инфинитив *трудить* имеет в корпусе 34 вхождения, а инфинитив *трудиться* – 2199 вхождений (дата последнего обращения – 17.02.2017 г.). Из 34 вхождений инфинитива *трудить*, приходящихся, в обратном порядке (в скобках указано количество вхождений в один год), на 2003, 2000, 1997, 1994, 1979 (2), 1944, 1937 (2), 1928, 1916, 1905 (2), 1879, 1856, 1846, 1841, 1823 (2), 1801, 1797, 1795, 1786 (2), 1750 (2), 1726 (2), 1725 (2), 1724 (2), 1721, 1714 годы, на первую половину XVIII века приходится 10 вхождений (и важно учесть, что в это время печатных текстов было существенно меньше, чем в следующие десятилетия и столетия), на вторую половину XVIII века – 4, на первую половину XIX века – 5 (причем текстов А. С. Грибоедова среди них нет), на вторую половину XIX века – 2, на первую половину XX века (века интенсивного развития печатного дела) – 7, на вторую половину XX века – 5 (из них 3 принадлежат перу Юрия Нагибина и 1 – Галины Щербаковой, то есть писателей старшего поколения), на первые 16 лет XXI века (века компьютеризированного, характеризующегося высокой продуктивностью издательского процесса) приходится 1 вхождение (наблюдаемое в религиозно-христианском контексте, представляющем собой мнение о контекстуальной синонимии глаголов *трудиться* и *трудить*). Следовательно, на XVIII и XIX века (при относительно малом количестве текстов в этот период) приходится 21 вхождение, а на XX и XXI века (период наиболее интенсивной публикации разного рода текстов) – 13, причем 4 из 5 вхождений второй половины XX века наблюдаются в произведениях писателей старшего поколения. Налицо постепенное снижение частотности формы инфинитива переходного глагола *трудить*.

Очевидно, что постепенная утрата русскими глаголами переходности как способности беспредложно управлять винительным падежом не может быть признана позитивно-эволюционной, о чем вполне определенно пишет М. Н. Эпштейн: «Преобладание непереходности в русском языке способствует становлению **непереходного мировоззрения**, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой. Это мир, в котором нечто пребывает в себе или движется само по себе, но ничем не движется и ничего не движет» [11].

Поскольку сложившаяся ситуация представляется А. М. Гильбурду и М. Н. Эпштейну неприемлемой, оба автора склонны видеть в языке тенденции, компенсирующие утрату переходности.

А. М. Гильбурд, ссылаясь на общепризнанность описываемой им тенденции, пишет: «Исчезновение из словаря “старых” переходных глаголов автоматически компенсируется за счет появления в языке новых продуктивных способов образования переходных глаголов. В русском языке таким способом, как известно, явилась префиксация. Так, семантическим преемником глагола “воевати” является “завоевывать”, у глаголов “надеять” и “смеять” – преемник соответственно “обнадеживать”, “осмеивать” и т. д.» [2, с. 12].

М. Н. Эпштейн считает, что переходность русских глаголов постепенно – через детскую и разговорную речь – возвращается в виде, к примеру, *работать кого-что*, *плавать кого-что*, *летать кого-что*, *гулять кого* (такие явления закрепились в романских и германских языках, например: *I can fly a plane* – это дословно *Я могу летать самолет*) [11]. Значительная часть таких примеров, конечно, носит стилистически сниженный, нередко игровой характер, но история языков знает примеры «олитературивания» того, что вначале возникало как «игра с неправильностями». Однако М. Н. Эпштейн полагает, что возможные иногда, на первый взгляд синонимичные, замены типа *выгуливать собаку* = *гулять собаку* не являются абсолютными синонимами, так как «переходное употребление переходных глаголов служит “экономии мышления”, поскольку оно позволяет сразу обозначить не процесс, а результат каузации: “ты упал чашку” – “чашка упала из-за тебя”. Неважно, уронил ты ее, сбросил со стола, нечаянно задел или сдвинул – важен результат действия, падение чашки. Ускорение мыслительных процессов в современном информационном обществе, стремление сразу обозначить результат действия – вот что лежит в основе транзитивации переходных глаголов. Одним глаголом обозначается и действие-результат, и действие-причина, которое к нему приводит» [Там же].

Комментируя слова М. Н. Эпштейна о каузации переходностью соответствующего мировоззрения, С. Л. Попов замечает: «Непереходность большинства русских глаголов естественно признать рудиментом того первобытного восприятия окружающего мира, в котором все происходит само собой, поскольку наделено мистической (то есть непознаваемой) силой, которой человек противостоять не в состоянии» [9, с. 263]. Такая междисциплинарная оценка лингвистических событий является логическим следствием когнитивно-эволюционного подхода, предложенного эволюционной эпистемологией к изучению закономерностей познания человеком явлений действительности [10; 4; 5] и примененного С. Л. Поповым к изучению механизма дифференциации русских грамматических вариантов [9] и к изучению фонетических и лексических закономерностей, наблюдаемых в истории русского языка [6–8]. В основе данного подхода в его применении к грамматическим явлениям лежит когнитивно-эволюционный алгоритм «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики». Восприятие может быть: 1) синкретичным, не позволяющим дифференцировать признаки и, как следствие, категоризировать познаваемую информацию; 2) поверхностным, ориентированным на ближайшие, наиболее заметные, «лежащие на поверхности» признаки, по которым происходит категоризация, чаще всего ошибочная; и 3) альтернативным, ориентированным на все имеющиеся признаки, благодаря чему может быть воспринят признак, категоризация по которому корректна. Каждая из этих степеней восприятия обеспечивает соответствующее качество логичности мышления и, как следствие, логичности связанной с мышлением грамматики (подробнее об этом см.: [9, с. 52–92]).

Обратимся к примерам А. М. Гильбурда и М. Н. Эпштейна.

Показанные А. М. Гильбурдом компенсаторные замены прежних глаголов *воевати*, *надеять* и *смеять* соответственно глаголами *завоевывать*, *обнадежи-*

вать и *осмеивать* вряд ли могут быть признаны семантически полноценными, поскольку, по данным толковых словарей, в частности «Словаря русского языка» в 4 т. под ред. А. П. Евгеньевой (МАС), вторые корреляты имеют другие лексические значения.

Так, *воевати* – направлять войну на кого-, что-либо, в то время как *завоевывать* – покорять вооруженной силой, овладевать чем-либо. У этих коррелятов наблюдается также разная сочетаемость: можно *воевати* не только землю, но и врага, в то время как *завоевывать* врага, то есть нечто одушевленное, невозможно.

Надеять – давать надежду, причем без каких-либо условий, в то время как *обнадеживать* – подавать, вселять надежду, но при условии обещания чего-либо или заверения в чем-либо. То есть *обнадеживать* – весьма «условный» компенсатор утраты *надеять*.

Смеять – вызывать, каузировать смех кого-либо, в то время как *осмеивать* – подвергать насмешке, представлять в смешном виде, высмеивать. Здесь, как можно убедиться, значения глаголов даже противоположны по признаку направления смеха: от объекта и к объекту.

Добавим свой пример «компенсаторной корреляции»: глаголы *стремить* – *устремлять*. *Стремить* – каузировать чье-либо стремление, в то время как *устремлять-1* – направить, стремительно двинуть что-либо; *устремлять-2* – придавать какое-либо направление чему-либо или располагать в каком-либо направлении; *устремлять-3* – направлять, обращать на кого-, что-либо, сосредоточивать на ком-, чем-либо. Очевидно, что все три ЛСВ глагола *устремлять* отличаются от значения глагола *стремить* дополнительными семами, к которым можно добавить еще одну, придаваемую префиксом у-: сему начала действия.

В целом можно согласиться с М. Н. Эпштейном, что *гулять кого* экономнее *выгуливать кого* и что это свидетельствует об ускорении мыслительных процессов. Но дело здесь, очевидно, и в том, что у этих глаголов имеются семантические различия. Во-первых, толковые словари, НКРЯ и сам пример из статьи М. Н. Эпштейна свидетельствуют, что *выгуливают* обычно собак, а в применении к людям данный глагол по меньшей мере – средство создания комичного. Во-вторых, в семантике глагола *выгуливать* присутствует подчеркивание территориально определенной, по сути географической процессуальности, отсутствующее в более широкой, по сути альтернативной семантике глагола *гулять*.

Следовательно, префиксальные корреляты утративших переходность глаголов или переходных глаголов, утраченных по причине постфиксации, не могут считаться компенсаторами утраты переходности, а мнение о компенсаторной сущности префиксальных коррелятов представляет собой логический вывод, основанный на поверхностном восприятии компенсаторных возможностей префиксальных коррелятов. Сравнительный анализ семантики таких коррелятов показывает, что семантические структуры утраченных переходных свойств или форм неизменно проще семантических структур префиксальных коррелятов, что подтверждает выводы М. Н. Эпштейна.

С когнитивно-эволюционной точки зрения утрата переходности является утратой переходности не глаголами, а носителями языка. Такая утрата есть результат синкретичного невосприятия носителями языка коммуникативных и эпистемологических преимуществ коэкзистенциальной альтернативы непереходности и переходности глаголов, например невосприятия возможности сосуществования по аналогии с *жениться* – *женить*, *храниться* – *хранить* таких непереходно-переходных альтернатив, как *трудиться* – *трудить*, а по аналогии с *он умеет писать* – *он пишет письмо* непереходно-переходных альтернатив типа *он любит гулять* – *он гуляет ребенка*.

Судя по всему, единственной возможностью справиться с проблемой подавляющей непереходности русских глаголов является не компенсация утраченной переходности созданием новых форм, а возрождение переходности, то есть то, что предлагает М. Н. Эпштейн. И примеры таких возрождения и развития в НКРЯ имеются:

*Оставим личность императора Николая и разберем, что такое монарх вообще, как божий помазанник, обязанный **стремить** вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает бог...* [Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843–1847)];

*...избыток внутренних сил должен непременно **стремить** ее вырваться из опеки Бисмарка и вернуть себе всю прежнюю независимость...* [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Сентябрь – ноябрь 1877 года (1877)].

Примеры из текстов Гоголя и Достоевского могут наводить на мысль об их уходящей рудиментарности, но НКРЯ содержит и другие примеры, «спрягаемые»:

*Эта затаённая сила, скрытая в милом плеске, в солнечных бликах, в колыхании кувшинок, вдруг обнаруживает неумолимую злобность воды – крушит камень, с безумной скоростью **стремит** лопасти турбины.* [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // Октябрь, 1989];

*Там, где мощно **стремит** свои воды к близкому морю красавица Бзыбь, по ее скалистому ущелью вьется шоссе.* [Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978–1996)];

*Познали ли мы тогда то особое, высшее и сокровенное, что присутствует в любви и **стремит** друг к другу по свету тех, кого Платон считал дополняющими друг друга половинками?..* [О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)];

*Дерево **ветвит** и **стремит** к небу мысли...* [Владимир Чивилихин. Моя мечта – стать писателем: из дневников 1941–1974 гг. (2002) // Наш современник, 2002.06.15].

Это далеко не все современные примеры «покинувшего русский язык» глагола *стремить*: только в форме 3-го л. ед. ч. наст. вр. по состоянию на 22.02.2017 г. он зафиксирован 22 раза. Очевидно, у создателя поссибилизма как философского направления Михаила Наумовича Эпштейна есть основания для транзитивного оптимизма.

Библиографические ссылки

1. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.
2. Гильбурд А. М. О логико-философском и структурно-лингвистическом аспектах глагольной переходности // Уч. зап. Свердлов. пед. ин-та и Тобольск. пед. ин-та. – 1969. – Сб. 142. – С. 3–13.
3. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка : учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов / В. В. Иванов. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Просвещение, 1983. – 399 с.
4. Меркулов И. П. Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы / И. П. Меркулов. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2003. – Т. 1. – 471 с.
5. Меркулов И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход) / И. П. Меркулов. – СПб. : Изд-во РХГА, 2006. – Т. 2. – 416 с.
6. Попов С. Л. Метонимия и метафора как корреляты двух этапов вынужденно поверхностного восприятия возможности создать новое лексическое значение / С. Л. Попов // Jazykovedný časopis. – № 1. – Roč. 67. – Bratislava, 2016. – S. 31–44.

7. **Попов С. Л.** О перцептивно-логической эволюции фонетического строя русского языка: гласные / С. Л. Попов // Наук. вісник Міжнар. гуманітарного ун-ту. – Сер. : Філологія. – Вип. 20. – Т. 1. – Одеса, 2016. – С. 38–41.
8. **Попов С. Л.** О перцептивно-логической эволюции фонетического строя русского языка: согласные / С. Л. Попов // Вісник Дніпропетров. ун-ту. Сер. : Мовознавство. – 2016. – Вип. 22. – С. 129–135.
9. **Попов С. Л.** Русская грамматическая вариантность в когнитивно-эволюционном освещении: моногр. / С. Л. Попов. – Харьков : Міськдрук, 2014. – 304 с.
10. **Поппер К. Р.** Эволюционная эпистемология / К. Р. Поппер // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / [сост. Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского и В. К. Финна; пер. с англ. Д. Г. Лахути; вступ. ст. и общ. ред. В. Н. Садовского; послеслов. В. К. Финна]. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 57–74.
11. **Эпштейн М. Н.** О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество [Электронный ресурс] / М. Н. Эпштейн. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html>

References

1. Buslaev, F. I. (1959), *Historical grammar of the Russian language* [*Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka*], Uchpedgiz, Moscow, 623 p.
2. Gil'burd, A. M. (1969), "On the logical-philosophical and structural-linguistic aspects of verbal transitivity" ["O logiko-filosofskom i strukturno-lingvisticheskom aspektah glagol'noj perehodnosti"], *Uchenye zapiski Sverdlovskogo pedagogicheskogo instituta i Tobol'skogo pedagogicheskogo instituta*, Sb. 142, pp. 3–13.
3. Ivanov, V. V. (1983), *Historical grammar of the Russian language* [*Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka: Ucheb. dlja studentov filol. spec. fak. un-tov i ped. in-tov, 2-e izd., ispr. i dop.*], Prosveshhenie, Moscow, 399 p.
4. Merkulov, I. P. (2003), *Evolutionary epistemology: problems, perspectives* [*Evoljucionnaja jepistemologija: problemy, perspektivy, t. 1*], Izd-vo RHGI, St. Petersburg, 471 p.
5. Merkulov, I. P. (2006), *Epistemology (cognitive-evolutionary approach)* [*Epistemologija (kognitivno-jevoljucionnyj podhod), t. 2*], Izd-vo RHGI, St. Petersburg, 416 p.
6. Popov, S. L. (2016), "Metonymy and metaphor as correlates of two stages of a compulsorily superficial perception of the possibility of creating a new lexical meaning" ["Metonimija i metafora kak korreljaty dvuh jetapov vyzhdenno poverhnostnogo vosprijatija vozmozhnosti sozdat' novoe leksicheskoe znachenie"], *Jazykovednyj časopis*, № 1, Roč. 67, Bratislava, pp. 31–44.
7. Popov, S. L. (2016), "On the perceptive-logical evolution of the phonetic structure of the Russian language: vowels" ["O perceptivno-logicheskoj jevoljucii foneticheskogo stroja russkogo jazyka: glasnye"], *Naukovij visnik Mizhnarodnogo gumanitarnogo universitetu. Serija «Filologija»*, Vip. 20, T. 1, Odesa, pp. 38–41.
8. Popov, S. L. (2016), "On the perceptive-logical evolution of the phonetic system of the Russian language: consonants" ["O perceptivno-logicheskoj jevoljucii foneticheskogo stroja russkogo jazyka: soglasnye"], *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu. Serija «Movoznavstvo»*, vip. 22, pp. 129–135.
9. Popov, S. L. (2014), *Russian grammatical variation in cognitive evolutionary lighting: Monograph* [*Russkaja grammaticheskaja variantnost' v kognitivno-jevoljucionnom osveshhenii: Monografija*], Mis'kdruk, Har'kov, 304 p.
10. Popper, K. R. (2000), "Evolutionary epistemology", *Evolutionary epistemology and the logic of social sciences: Karl Popper and his critics* ["Evoljucionnaja jepistemologija"], *Evoljucionnaja jepistemologija i logika social'nyh nauk: Karl Popper i jeho kritiki, sost. D. G. Lahuti, V. N. Sadovskogo i V. K. Finna; per. s angl. D. G. Lahuti; vstup. st. i obshh. red. V. N. Sadovskogo; posleslov. V. K. Finna*, Jeditorial URSS, Moscow, pp. 57–74.
11. Epshtejn, M. N. (2007), "On the creative potential of the Russian language. Grammar of transitivity and transitive society" ["O tvorcheskom potenciale russkogo jazyka. Grammatika perehodnosti i tranzitivnoe obshhestvo"], available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html>.

Надійшла до редколегії 27.01.2017